

Время, 1861. №4

БѢЛИНСКІЙ

И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ

I

Вотъ что пятнадцать лѣтъ назадъ и даже менѣе думали болѣе или менѣе всѣ мы, — исключая разумѣется немногихъ сторонниковъ славянофильства.

Петръ Великій есть величайшее явленіе не нашей только исторіи, но и исторіи всего человѣчества; онъ *божество, воззавшее насъ къ жизни, вдунувшее душу живую въ колоссальное, но поверженное въ смертную дремоту тѣло древней Россіи...* (Соч. Бѣлинскаго, томъ IV. стран. 333).

Нѣтъ, безъ Петра Великаго, для Россіи не было никакой возможности естественнаго сближенія съ Европою. Повторяемъ: Петру

некогда было медлить и выжидать. Какъ прозорливый кормчій, онъ во время тишины предузналъ ужасную бурю и велѣлъ своему экипажу не щадить ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, чтобы приготовиться къ напору волнъ, порывамъ вѣтра, — и всѣ изготовились хоть и не хотя, и настала буря, но хорошо подготовленный корабль легко выдержалъ ея неистовую силу, — и нашлись недальновидные, которые стали роптать на кормчаго, что онъ напрасно такъ беспокоилъ ихъ! Нельзя ему было съять и спокойно ожидать, когда прозябнетъ, взойдетъ и созрѣетъ брошенное сѣмя: *одной рукою бросая сѣмена, другою хотѣлъ онъ тутъ же и пожнать плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности, — и природа отступила для него отъ своихъ вѣчныхъ законовъ, и возможность стала для него волшебствомъ. Новый Навинъ, онъ останавливалъ солнце въ пути его, онъ у моря отторгалъ его довременныя владѣнія, онъ изъ болота вывелъ чудный городъ. Онъ понималъ, что полумѣры никуда не годятся,*

что коренные перевороты въ томъ, что сдѣлано вѣками, не могутъ производиться вполвину, *что надо дѣлать или больше чѣмъ можно сдѣлать* или ничего не дѣлать и понять что *на первое станетъ его силъ*. Передъ битвою под Лѣснымъ, онъ позади своихъ войскъ поставилъ казаковъ съ строгимъ приказаніемъ убивать безъ милосердія всякаго, кто побѣжитъ вспять, даже и его самага, если онъ это сдѣлаетъ. Такъ точно поступилъ онъ и въ войнѣ съ невѣжествомъ: *выстроивъ* противъ него весь народъ свой, онъ отрѣзалъ ему всякій путь къ отступленію и бѣгству. Будь полезенъ государству, учись, или *умирай*: вотъ что было *написано кровью* на знамени его борьбы съ варварствомъ. И потому, все старое безусловно должно было уступить мѣсто новому — и обычаи и нравы и дома и улицы и служба. Говорять, дѣло — въ дѣлѣ, а не въ бородѣ; но что жъ дѣлать, если борода мѣшала дѣлу? Такъ вонъ же ее, если сама не хочетъ валиться... (Соч. Бѣл. Т. IV. стран. 392. 393).

До Петра, русская исторія вся заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію разъединенныхъ частей страны и сосредоточеніи ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ *помогло и татарское иго и грозное царствованіе Іоанна*. Цементомъ, соединившимъ разрозненныя части Руси, было преобладаніе московскаго великокняжескаго престола надъ удѣлами, а потомъ уничтоженіе ихъ и *единство патріархальнаго обычая*, замѣнившаго право. Но эпоха самозванцевъ показала, какъ еще не довольно твердъ и достаточенъ былъ этотъ цементъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, обнаружилась самая необходимость реформы и сближеніе Руси съ Европою. Было сдѣлано много попытокъ въ этомъ родѣ; но для такого великаго дѣла, нуженъ былъ и великій творческій геній, который и не замедлилъ явиться въ лицѣ Петра... (Соч. Бѣл. Т. VII. стран. 105).

Неужели же русскій народъ до Петра Великаго, не имѣлъ чести существовать по человѣчески? *вопіетъ* г. Шевыревъ. *Если*

человѣческое существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуманности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго, — смѣло и утвердительно отрицаемъ мы г. Шевыреву... Петръ Великій — это новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для изведенія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіятизма... Петръ Великій — это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно долженствующая указывать ей путь къ преуспѣянію и славѣ... Петръ Великій — это колоссальный образъ самой Руси, представитель ея нравственныхъ и физическихъ силъ... Нѣтъ похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великаго, ибо онъ далъ Россіи святъ и сдѣлалъ Русскихъ людьми... (Соч. Бѣл. Т. VII. стр. 413).

Видите ли въ чемъ дѣло! Для Русскихъ XVIII вѣка много было радости въ томъ, что славяне, около тысячи лѣтъ коснѣя въ безплодномъ для человѣчества

существованіи, все—таки, не смотря на то, пребывали въ величествѣ! Индійцы, китайцы, японцы, ужь конечно гораздо древнѣе славянъ и, своимъ существованіемъ, оставили въ исторіи человечества болѣе глубокой, нежели славяне, слѣдъ; но что жь въ этомъ пользы для нихъ теперь, когда они превратились въ какія—то нравственныя окаменѣлости какъ—будто до—потопнаго міра? Для насъ русскихъ важна русская, а не славянская исторія, да и русская—то исторія становится важною не прежде, какъ съ возвышенія московскаго княженія, съ котораго для Россіи наступило время уже историческаго существованія... (Соч. Бѣл. стран. 417).

Я нарочно началъ статью свою цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, на счетъ Петра и реформы, болѣе или менѣе рѣзкихъ, болѣе или менѣе смѣлыхъ — но во всякомъ случаѣ — съ первой же, относящейся къ началу сороковыхъ годовъ и до послѣдней,

относящейся къ ихъ половинѣ —
выражающихъ одно и тоже.

Это одно и тоже — полное отрицаніе
какого-либо значенія нашего быта и нашей
исторіи до реформы Петра, благоговѣніе
передъ реформою со всѣми ея мѣрами и
послѣдствіями, отрицаніе — нисколько не
скрываемое — всякихъ силъ самосуцнаго
развитія народа. Рядъ этихъ выписокъ
сдѣланъ изъ сочиненій писателя, которому,
по вліянію его на наше умственное,
нравственное и даже общественное
развитіе, принадлежитъ роль столь же
первостепенная какъ Карамзину, писателю,
котораго можно пожалуй ненавидѣть съ
точекъ зрѣнія мракобѣсія, но которому
мудрено отказать въ имени великаго, по
энергіи убѣжденія и силѣ таланта,
человѣка... Съ 1834 года, съ тѣхъ поръ
какъ еще юношей — одною силою
убѣжденія разсѣялъ онъ призраки
авторитетовъ въ «литературныхъ
мечтаніяхъ» — до самой смерти своей — до
конца сороковыхъ годовъ, онъ былъ
нашимъ воспитателемъ, и руководителемъ.

Пламенно стремившійся къ истинѣ, никогда не боявшійся отречься отъ того, что почему-либо стало для него ложью, готовый противорѣчить себѣ самому, т. е. никогда неспособный поставить свое личное я выше сознанной имъ истины, увлекавшійся до фанатизма въ симпатіяхъ и до нетерпимости въ враждахъ — онъ одинъ былъ способенъ исчерпать до дна то направленіе мысли, котораго служилъ представителемъ... и дѣйствительно исчерпалъ его.

Не поражаютъ ли современныхъ читателей приведенныя мною выписки — послѣ всего того что о Петрѣ и его реформѣ сказано въ наше время? Не наивны ли въ своемъ фанатизмѣ выходки Бѣлинскаго до самыхъ крайнихъ крайностей? Съ полнѣйшею искренностью, Бѣлинскій вмѣняетъ въ достоинство своему герою — что онъ «бросая сѣмена, хотѣлъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, *нарушая обычные законы природы и возможности*», и того что онъ «выстроилъ народъ свой на борьбу съ невѣжествомъ» и того что онъ «*кровью*

написалъ на знамени: учись или умирай!.. Съ безпощаднымъ фатализмомъ, видитъ онъ *помощь* судьбы въ татарскомъ игѣ и въ грозномъ царствованіи Ивана IV. Съ самою упорною послѣдовательностью отказывается же онъ намъ въ какомъ-либо *человѣческомъ* существованіи до Петра, и славянъ вообще ставитъ ниже китайцевъ и японцевъ!.. Впрочемъ, въ его дѣятельности сказалось рѣшительно и притомъ массою, все, что развивало при немъ и послѣ него въ частностяхъ направленіе, за которымъ утвердилось названіе западничества, — все, отъ любви гг. Соловьева и Кавелина къ Ивану Грозному и его прогрессивнымъ мѣрамъ противъ отсталыхъ людей, мѣрамъ, исполняемымъ архи-прогрессистомъ, палачемъ Томилой, — до симпатіи «Атенея» къ цивилизаціи, олицетворяемой въ славянскихъ земляхъ австрійскимъ жандармомъ, — все что десять лѣтъ назадъ представляло верхи нашего возрѣнія подъ именемъ родовыхъ и другихъ теорій, считалось единственно-законнымъ возрѣніемъ и что нынѣ отзывается какъ

уже запоздалое только въ однихъ компиляціяхъ, которыми г. Соловьевъ *даритъ* по временамъ публику, называя свои безконечныя выписки изъ подлинныхъ актовъ «разказами изъ русской исторіи...» Увы! Публика, можетъ быть, и есть для этихъ разказовъ, но читатели едва ли.

Sacrés ils sont car personne n'y touche...

можно сказать о нихъ, какъ говорилъ Вольтеръ о сочиненіяхъ аббата Трюбле «qui compilait, compilait, compilait...» И еще болѣе увы! Если бы разказы эти и были писаны такъ, чтобы быть читаемыми — духъ въ нихъ господствующій едва ли бы нашолъ теперь много сочувствія. «Русскій Вѣстникъ», помѣстившій недавно одинъ изъ такихъ нечитаемыхъ разказовъ («Птенцы Петра Великаго»), какъ-будто въ противоядіе ему помѣстилъ въ той же книжкѣ блестящую по изложенію и совершенно противоположную этому разказу по духу статью г. Лонгинова о «Дневникѣ каммеръ-юнкера

Берхгольца» — статью совершенно обличительную въ отношеніи къ преобразователю и даже къ преобразованію...

Всѣ идеи этого направленія въ зародышѣ заключаются въ дѣятельности Бѣлинскаго. И г. Соловьевъ, и г. Кавелинъ, и даже г. Чичеринъ — не болѣе ни менѣе какъ ученики его, разработавшіе по частямъ общія мысли учителя... Поэтому—то цѣлую, особую статью позволяю я себѣ посвятить разсмотрѣнію дѣятельности Бѣлинскаго въ анализѣ вопроса о народности въ нашей литературѣ.

Но прежде чѣмъ слѣдить шагъ за шагомъ развитіе и расширеніе теоріи западничества въ дѣятельности Бѣлинскаго — необходимо разъяснить чтѣ именно понимаю я подѣ идеей централизаціи, лежащей въ основѣ отрицательнаго направленія съ самаго начала и завершающей его какъ послѣднее слово.

Отрицаніе — какое бы оно ни было, совершается всегда во имя какой—либо, смутно или ясно, — это все равно —

сознаваемой *положительной* правды мыслителемъ, во имя какого-либо, прочно или не прочно, но во всякомъ случаѣ установленнаго, положительнаго идеала художникомъ. Голаго, отвлеченнаго отрицанія нѣтъ и быть не можетъ: самое поверхностное отрицаніе и то совершается во имя какихъ-либо, хоть даже мелко-разсудочныхъ или узко-нравственныхъ положеній. Отрицая, уничтожая, разбивая какой-либо быть, обличая его во лжи — вы казните его передъ какою-либо истиною, такъ сказать измѣряете его этою истиною и судите его по степени согласія или несогласія съ нею. Это — дѣло ясное и кажется неопровержимое.

Чаадаевъ первый подошолъ смѣло къ нашему быту съ извѣстною мѣркою и явился беспощаднѣйшимъ отрицателемъ. Мѣрка его была жизнь, выработанная западомъ. Что по личнымъ его впечатлѣніямъ жизнь эта была при томъ жизнь, выработанная западомъ католическимъ, — это обстоятельство незначительное. Дѣло все въ томъ, что

передъ судомъ выработанной западомъ жизни — наша бытовая, историческая и нравственная жизнь оказалась совершенно несостоятельною, т. е. неподводимою подъ нее никакими аналогіями. Направленіе, которое пошло отъ толчка, сообщеннаго Чаадаевымъ, нисколько не раздѣляло чаадаевскихъ сочувствій къ католицизму — но сочувствія его къ западнымъ идеаламъ государственнымъ, общественнымъ и нравственнымъ, провело съ величайшею послѣдовательностью.

Темны и пустынны должны были показаться передъ судомъ западныхъ идеаловъ наши бытъ и исторія. Еще Карамзинъ, первый изъ приступившихъ къ быту и исторіи нашимъ съ серьезно установленными западными требованіями, думалъ выручить нашъ бытъ и нашу исторію аналогіями. Аналогіи оказались фальшивы (сопоставленіе удѣловъ съ феодализмомъ, Ивана IV съ Людовикомъ XI и т. д.), но въ самыхъ аналогіяхъ проглядывало уже и у Карамзина централизованное начало. Еще

онъ не проводилъ его такъ далеко какъ западники — еще онъ не жертвовалъ теоріи централизаціи ни Новгородомъ, ни Тверью и т. д., но онъ, уже слѣдя главнымъ образомъ развитіе государства и государственной идеи въ нашей исторіи, давая этой идеѣ перевѣсъ надъ прочими — многое множество явленій упустилъ изъ виду, на еще большее множество явленій взглянулъ съ ложной точки зрѣнія — и положилъ основаніе такому взгляду на сущность и развитіе нашего народнаго быта, который къ этому быту нисколько не примѣнимъ.

Весь смыслъ нашего развитія (ибо какое же нибудь развитіе въ до-петровскомъ быту было) заключается — для простого, никакой теоріей не потемнѣннаго взгляда въ томъ — что наша самость, особенность, народность постоянно, какъ жизнь, уходитъ изъ-подъ различныхъ болѣе или менѣе тѣсныхъ рамокъ, накладываемыхъ на нее извнѣ — и что съ другой стороны различныя внѣшнія силы, стремятся насильственно наложить на ея

разнообразныя явленія печать извѣстнаго, такъ сказать оффиціального уровня и извѣстнаго, такъ сказать форменнаго однообразія... Силы эти большею частью одоѣвають въ борьбѣ многообразныя и разрозненныя явленія жизни. Жизнь не протестуетъ, — по крайней мѣрѣ видимо и цѣльно, она какъ-будто принимаетъ печать извѣстнаго формализма — но упорно, въ отдаленныхъ, глубокихъ слояхъ своихъ, таитъ свои живые соки... Равнодушно низвергая своего Перуна и насмѣшливо приглашая его «выдыбать» — жизнь въ сущности удерживаетъ все свое язычество — и подъ именами христіанскаго святаго чтитъ «Волоса скотья Бога», создаетъ святую Пятницу и проч. и проч. Изъ-подъ устанавливающейся догматической нормы, она какъ растеніе расползается въ расколы... Не въ силахъ бороться съ московской политической централизаціей, она только упорно затаиваетъ въ себѣ и упорно хранитъ соки своихъ мѣстностей. И вотъ эти соки принимаютъ ненормальное направленіе,

уродливый видъ, будетъ ли то безобразіе самозванщины или безобразіе расколовъ...

Приступая къ такому странному по существу своему и развитію быту — западничеству, т. е. взгляду съ точки зрѣнія формъ, отлитыхъ развитіемъ остального человѣчества, идеаловъ, данныхъ этимъ развитіемъ — не нашло и не могло въ немъ найти ничего подходящаго подъ свое воззрѣніе, согласнаго съ своими общественными, нравственными идеалами.

Аналогіи, проведенныя Карамзинымъ и комически обличившіяся въ «романтически-народной» эпохѣ нашей словесности — оказались — явно фальшивыми... Западничество, начиная съ Чаадаева, честно отреклось отъ фальши. Въ нашей жизни бытовой и исторической, оно на первый разъ могло увидѣть только уродливья, безобразныя, не человѣческія (въ западномъ смыслѣ) проявленія стараго язычества, невѣжества, грубости нравовъ съ одной стороны — и силу, которая, начиная съ татарскаго погрома и пользуясь имъ, ломить все это грубо и

непосредственно. Ясно, что оно должно было прямо стать на сторону этой силы, сводящей во едино то, что распадалось, стремящейся придать какую-либо благоустроенную форму хаотическому безобразію, сокрушающей язычество и невѣжество — приводящей разнообразіе жизни къ одному знаменателю, къ центру, силы централизующей.

Начавши апоѳеозой Петра, оно послѣдовательно продолжается апоѳеозой Ивана IV, еще послѣдовательнѣе съ г. Кавелинымъ продолжаетъ родовой бытъ до времени Петра и всего послѣдовательнѣе кончаетъ съ «Атенеємъ» полнѣйшею апоѳеозою централизаціи.

Прослѣдить шагъ за шагомъ постепенныя проявленія этой доктрины въ Бѣлинскомъ — одномъ изъ искреннѣйшихъ, когда-либо бывшихъ писателей — чрезвычайно поучительно, тѣмъ болѣе, что ничего больше сказаннаго Чаадаевымъ и Бѣлинскимъ западничество не сказало.

II

Знаете ли что, почтеннѣйшій Николай Ивановичь, — обращается Бѣлинскій къ редактору «Телескопа» Надеждину въ своей статьѣ: *Ничто о ничемъ или отчетъ г. издателю «Телескопа» за последнее полугодіе (1835) русской литературы* (Соч. Бѣл. Т. II. стр. 14), — я душевно люблю православный русскій народъ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчиной въ его массѣ, *но моя любовь сознательная, а не слѣпая.* Можетъ быть, вслѣдствіе очень понятнаго чувства, я не вижу пороковъ русскаго народа, *но это нисколько не мешаетъ мнѣ видѣть его странности,* и я не почитаю за грѣхъ *пошутить подъ веселый часъ, добродушно и незлобиво надъ его странностями,* какъ всякій порядочный человѣкъ не почитаетъ для себя за униженіе посмѣяться надъ собственными своими недостатками...

Чтобы понять значеніе этихъ оговорокъ, этого *подхода* къ обличительнымъ выходкамъ, предшествовавшимъ ясному и

смѣлому Чаадаевскому поставленію вопроса, надобно припомнить, что Н. И. Надеждинъ былъ одинъ изъ тѣхъ поборниковъ народности, которые не боялись никакихъ послѣдствій своей теоріи — вели ее даже до оправданія кулака, какъ орудія силы...

Знаете ли вы, — продолжаетъ Бѣлинскій, — въ чемъ состоитъ главная странность вообще русскаго человѣка? *Въ какомъ-то своеобразномъ взглядѣ на вещи и упорной оригинальности.* Его упрекаютъ въ подражательности и безхарактерности; я самъ, грѣшный, вслѣдъ за другими, взводилъ эту небылицу (въ чемъ и каюсь); но этотъ упрекъ неоснователенъ...

Вотъ то распутіе, съ котораго мысль можетъ идти въ ту или другую сторону — распутіе, до котораго еще прежде появленія чаадаевскаго письма, дошолъ геніальный человѣкъ... Бѣлинскій былъ въ эту минуту одинъ только правъ, но правда его, самому ему какъ-будто страшна, и онъ видимо

чувствуетъ, что всѣмъ другимъ она покажется парадоксомъ. Вопреки всѣмъ утвердившимся отъ Карамзина наслѣдованнымъ, карамзинскими формами освященнымъ мнѣніямъ, онъ говоритъ, что мы не похожи на другихъ, что мы — упорно—оригинальны. Но... чтожъ изъ этого? Къ чему это насъ ведетъ? Въ чемъ оригинальность эта выражается? Хорошо или дурно то, что мы такъ упорно оригинальны?.. Вотъ въ чемъ вопросъ, и вопросъ страшный. Но не такой человекъ Бѣлинскій, чтобы разъ въ чемъ либо убѣдившись сердцемъ, бояться послѣдствій. Онъ смѣло кается, что вмѣстѣ съ другими (т. е. съ цѣлою эпохою карамзинизма), возводилъ на русскій народъ небылицу и разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, почти что предупреждая Чаадаева или по крайней мѣрѣ, одновременно съ нимъ.

«Русскому человеку», смѣло и честно высказывается онъ, «*вредитъ* совсѣмъ не подражательность, а напротивъ — излишняя оригинальность».

Вредить... слово сказано. Пойдемте за нашимъ бывалымъ вождемъ въ развитіи, хотя еще въ первоначальномъ, еще неустановившемся, въ его взглядѣ на нашу бытовую и нравственную сущность.

Пробѣгите въ умѣ вашемъ всю его (русскаго человѣка) исторію, и доказательства явятся передъ глазами. Вотъ они... Но постоитъ: чтобъ яснѣе выразить мою мысль, я долженъ прибавить, что *русскій человекъ, съ чрезвычайною оригинальностью и самобытностью, соединяетъ удивительную недоверчивость къ самому себѣ и вслѣдствіе этого, страхъ какъ любитъ перенимать чужое, но перенимая, кладетъ типъ своего генія на свои заимствованія.* Такъ еще въ давніе вѣки прослышалъ русскій человекъ, что за моремъ хороша вѣра и пошолъ за нею за море. Въ этомъ случаѣ, онъ по счастью не ошибся; *но какъ поступилъ онъ съ истинной, божественной вѣрой? Перенесъ ея священныя имена на свои языческіе предрасудки:* Св. Власію поручилъ

должность бога Волоса, Перуновы грома отдалъ Ильѣ—пророку и т. д. И такъ вы видите, перемѣнились слова и названія, а идеи остались все тѣ же. Потомъ явился на Руси царь умный и великій, который захотѣлъ русскаго человѣка умытъ, причесать, обрить, отучить отъ лѣни и невѣжества; *взвыль русскій человекъ гласомъ велимъ и замахалъ руками и ногами*; но у царя была воля желѣзная, рука крѣпкая и потому русскій человѣкъ, волею или неволею, а засѣлъ за азбуку, началъ учиться и шить и кроить и строить и рубить. И въ самомъ дѣлѣ *русскій человекъ сталъ походить съ виду какъ будто на человека*: и умытъ, и причесанъ, и *одѣтъ по формѣ*, и знаетъ грамоту, и кланяется съ пришаркиваніемъ и даже подходитъ къ ручкѣ дамъ. Все это хорошо, да вотъ что худо: *кланяясь съ пришаркиваніемъ, онъ, говорятъ, расшибалъ носъ до крови, а подходя къ ручкамъ прелестныхъ дамъ, наступалъ на ихъ ножки, цѣпляясь за свою шпагу, не умѣлъ справляться съ трехуголкою*;

выучивъ наизусть правила, начертанныя на зеркаль русскаго великаго царя, онъ не забылъ, не разучился спрягать глаголь «братъ» подъ всѣми видами, во всѣ времена, по всѣмъ лицамъ безъ изъятія, по всѣмъ числамъ безъ исключенія; надѣвши мундиръ, онъ смотрѣлъ на него какъ на форму идеи, какъ на форму парада и не хотѣлъ слушать, когда мудрое правительство толковало ему, что правосудіе не средство къ жизни, что присутственное мѣсто не лавка, гдѣ отускаютъ и права и совѣсть оптомъ и по мелочи, что судья не воръ и разбойникъ, а защитникъ отъ воровъ и разбойниковъ...

Въ этой еще только порывистой, еще недостаточно развитой, хотя и геніально мѣткой, остроумной и вмѣстѣ пламенно фанатической выходкѣ сказалось все западничество и рѣшительно можно сказать не пошло дальше. Да и идти было некуда, развѣ только къ высшему опозитизированію единства формализма, къ чаадаевскому

католицизму. Съ глубокаго замѣчанія о двойственномъ свойствѣ русской природы, начинается Бѣлинскій, но вмѣсто того, чтобы поискать причинъ уродливыхъ внѣшнихъ явленій, онъ только подводитъ явленія подъ немилосердый судъ западнаго идеала человѣка и человѣчности. Идеаль этотъ дѣйствительно блестящій, потому что онъ выработался; Бѣлинскій глубоко воспринялъ его въ свою душу, и въ «двоевѣріи» нашемъ видитъ только грубое явленіе, явленіе животненной жизни. Дѣльнѣйшіе послѣдователи его, доводятъ его взглядъ до подробной и развитой доктрины, въ особенности же г. Соловьевъ, который съ чисто византійскою ненавистью (*les extrêmes se touchent*) казнить всѣ слѣды паганизма и народности въ своей исторіи Россіи... Славянофильство борется съ этой доктриною, но борется посредствомъ теоріи, представляющей другую крайность: оно хочетъ *смягчить* грубые слѣды паганизма и народности, не признаетъ даже тѣхъ народныхъ пѣсень, которыя не подходятъ подъ

славянофильскую теорію народнаго быта и т. д. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскимъ брошено сѣмя борьбы, брошено смѣло, честно и все что на логической почвѣ выросло изъ этого сѣмени, онъ принимаетъ безтрепетно, съ самую нещадною послѣдовательностью. Бытовая и историческая жизнь народа не лѣзетъ въ извѣстныя рамки, не подходитъ подъ извѣстные идеалы, чтожъ ее и жалѣть? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сочувствовать тому, что русскій человѣкъ «взвыль гласомъ велимъ и замахаль руками и ногами», когда повели его учиться, если точно поэтому только взвыль онъ... Апоеоза реформы со всѣми ея крутыми мѣрами вытекала сама собою изъ такого взгляда и понятна сильная, обличительная тирада, заключающая выходку Бѣлинскаго, тирада, сильнѣе которой сказали что нибудь не западничество и не отрицательная литература, а развѣ современная обличительная литература, но на другихъ уже основаніяхъ. Посмотрите съ другой стороны, до какой ужасающей

последовательности доходить съ перваго же шага фанатизмъ къ реформѣ, — до поэзіи формализма. Что же мудренаго, что на поэзію формализма славянофильство отвѣчало впоследствии и странностями въ родѣ охабней, святославокъ и мурмолокъ, и остроумно-ядовитыми замѣтками въ родѣ той, которую сдѣлалъ К. С. Аксаковъ, разбирая одну назидательную повѣсть, умиляющуюся передъ какимъ-то *идеальнымъ* воспитательнымъ заведеніемъ, въ которомъ дѣвочки или мальчики, не помню право, ходили *стройно и попарно*. «Какъ не сказано, что они ходили *въ ногу!* это было бы еще красивѣе», замѣчалъ по этому поводу Аксаковъ въ одномъ изъ «Московскихъ Сборниковъ».

Кончаетъ Бѣлинскій свою выходку такъ же нещадно — последовательно:

Потомъ, — говоритъ онъ, — былъ на Руси другой царь умный и добрый; видя, что добро не можетъ пустить далеко корни тамъ, гдѣ нѣтъ науки, онъ подтвердилъ русскому человѣку учиться, а за ученье

обѣщаль ему и большой чинъ и знатное мѣсто, думая, что приманка выгоды всего сильнѣе; но чтожъ вышло? Правда, русскій человѣкъ смыслень и понятливъ; коли захочеть, такъ и самага нѣмца за поясъ... *И точно, русскій принялся учиться, но только, получивъ чинъ и мѣсто, бросалъ потасъ книги и принимался за карты — оно и лучше!..*

Все это тѣмъ болѣе сильно, что тутъ много и правды, что тутъ заключается не одна теорія, не одно западничество, а заключаются отчасти и отрицательныя стороны пушкинскаго созерцанія и причины лермонтовскаго протеста, и всего болѣе заключается Гоголь!..

И такъ не ясно ли послѣ этого, — заключаетъ Бѣлинскій свою страшную діатрибу, — что русскій человѣкъ самобытенъ и оригиналенъ, что онъ никогда не подражалъ, *а только бралъ изъ-за границы формы, оставляя тѣмъ идеи и отшивалъ въ эти формы свои собственныя*

идеи, завѣщанныя ему предками. Конечно, къ этимъ доморощеннымъ идеямъ, не совсѣмъ шоль заморскій нарядъ, но къ чему нельзя привыкнуть, къ чему нельзя приглядѣться?..

Глубокою и правильною мыслью заключена діатриба, но Бѣлинскій не сознавалъ самъ, насколько эта мысль о непреложности идей, завѣщанныхъ предками и о внѣшнемъ приѣмѣ формъ, свидѣтельствовала въ пользу самобытности народной жизни и поразила требованіе внимательнаго углубленія въ сущность этой самобытности. Онъ говоритъ объ этомъ съ ироніею, которую въ немъ нельзя назвать иначе, какъ наивною, но которая теперь в запоздалыхъ послѣдователяхъ его не можетъ уже быть названа такою, потому что многіе старались обратить ихъ вниманіе на причины неправильныхъ проявленій нашей самобытности.

Бѣлинскій видѣлъ передъ собою одно, а именно идеалы человѣческіе и вполне развитые, да жизнь совершенно

непонятную, подъ эти идеалы неподходящую. Попытка объяснить эту жизнь, подводя ее подъ западныя аналогіи, для его природы столько же правдивой, какъ натура Чаадаевская — видимо были несостоятельны. Попытки же оправдать эту странную жизнь ея же законами, на первый разъ заявляли себя такими нелѣпыми формами, какъ славянофильство Шишкова, пошлость загоскинского взгляда въ литературѣ и въ лучшемъ случаѣ *экстравагантностями* глубокомысленнаго, но часто столь же безтактнаго, въ качествѣ редактора «Телескопа», какъ нѣкогда подъ именемъ Никодима Недоумки, Н. И. Надеждина, въ роли апотеозы русскаго кулака.

Вы, — обращается онъ къ нему (соч. Бѣл. Т. II. стр. 133 примѣч.), смотрите на кулакъ, какъ на орудіе силы, совершенно тождественное съ шпагою, штыкомъ и пулею. Оно такъ, но все таки между этими орудіями силы есть существенная разность: *кулакъ, равно какъ и дубина, есть орудіе*

*дикаго, орудіе невольды, орудіе чловѣка
грубаго въ своей жизни, грубаго въ своихъ
понятіяхъ, кулакъ требуетъ одной
животной силы, одного животного
остервененія и больше ничего. Шпага,
штыкъ и пуля, суть орудія чловѣка
образованнаго; они предполагаютъ
искусство, ученіе, методу, следовательно
зависимость отъ идеи. Звѣрь сражается
когтемъ и зубомъ, естественными его
орудіями; кулакъ есть тоже естественное
орудіе звѣря-чловѣка; чловѣкъ
общественный сражается орудіемъ,
которое создаетъ себѣ самъ, но котораго
не имѣетъ отъ природы...*

Въ этой, повидимому незначительной замѣткѣ, высказывается всего яснѣе основной принципъ убѣжденій Бѣлинскаго и за нимъ всего западничества — принципъ чисто отрицательный — ненависть ко всему непосредственному, ко всему природному или лучше сказать прирожденному. А между тѣмъ, что же можно было, и что можно теперь даже сказать въ защиту

кулака, какъ явленія — не впадая въ страшную неловкость?.. Отъ кулака еще много шаговъ Бѣлинскому до того знаменитаго положенія, что «гвоздь, выкованный рукою человѣка, дороже самаго лучшаго цвѣтка природы», — которое уже становится возмутительнымъ для *вѣчнаго* эстетическаго чувства человѣческой природы; еще далеко и до отрицанія всякой непосредственности, народныхъ преданій, народной поэзіи, народности вообще. Кулакъ еще нельзя было защищать. Защищавшій его, т. е. Н. И. Надеждинъ, неловко хотѣлъ обогнать время, не въ томъ конечно смыслѣ, чтобы наше время оправдало кулакъ, но въ томъ, что оно его сравнивало со всѣми *mittelbar*, посредственно приобрѣтенными орудіями грубой силы.

Съ другой стороны въ этой замѣткѣ уже ясно высказывается, что только *образованный* человѣкъ есть человѣкъ. И въ этомъ конечно есть извѣстная доля правды, но только гдѣ же грань идеала образованія и грань звѣрства?.. Образование

принято здѣсь явнымъ образомъ за послѣдній моментъ современнаго и притомъ западнаго развитія, если вести мысль логически... Отсюда уже недалеко до того, чтобы всѣхъ нашихъ доблестныхъ и по своему даже образованныхъ предковъ признать звѣрями. Такъ оно и выходитъ. Все, что не подойдетъ подъ условную мѣрку западнаго образованія, германо-романскихъ идеаловъ, германо-романскаго развитія, будетъ обречено на звѣрство западничествомъ. Во всемъ тысячелѣтнемъ бытіи народа уцѣлѣютъ только два образа: Петръ, да Иванъ IV.

Апоѳеозу Петра мы уже видѣли; я началъ ею мою статью. Апоѳеоза Ивана IV — прямое логическое послѣдствіе исключительной апоѳеозы Петра, не совершена однако Бѣлинскимъ съ той наивной и вмѣстѣ ужасающей послѣдовательностью, съ какою совершена апоѳеоза Петра, хотя въ идеяхъ Бѣлинскаго объ Иванѣ IV заключаются уже сѣмена почти всего того, что впослѣдствіи высказано гг. Соловьевымъ и Кавелинымъ.

Бѣлинскій взялъ Ивана IV болѣе съ психологической общей стороны, увлекся имъ какъ художественнымъ образомъ.

Мы, — говоритъ Бѣлинскій (Т. II. стр. 213), поспорили бы съ почтеннымъ авторомъ только на счетъ Іоанна IV. Намъ кажется, что онъ не разгадалъ, или можетъ быть не хотѣлъ разгадать тайну этого необыкновеннаго человѣка. У насъ господствуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній на счетъ Іоанна Грознаго. Карамзинъ представилъ его какимъ-то двойникомъ, въ одной половинѣ котораго мы видимъ какого-то ангела, святаго и безгрѣшнаго, а въ другой чудовище, изрыгнутое природою въ минуту раздора съ самой собой, для пагубы и мученія бѣднаго человѣчества и эти двѣ половины сшиты у него, какъ говорится, бѣлыми нитками. Грозный былъ для Карамзина загадкою; другіе представляютъ его не только злымъ, но и ограниченнымъ человѣкомъ; нѣкоторые видятъ въ немъ генія. Г. Полевой держится какой-то середины; у

него Іоаннъ не геній, а просто замѣчательный человѣкъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, изобразивъ такъ прекрасно, такъ вѣрно, въ такихъ широкихъ чертахъ этотъ колоссальный характеръ. Въ самомъ разсказѣ г. Полеваго, Іоаннъ очень понятенъ. Объяснимся. *Есть два рода людей съ добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великіе. Первые, сбившись съ прямого пути, дѣлаются мелкими негодьями, слабодушниками; вторые злодѣями. И чѣмъ душа человека огромнѣе, чѣмъ она способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ она въ бездну преступленія, тѣмъ больше закаляется во злѣ. Таковъ Іоаннъ; это была душа энергическая, глубокая, гигантская.* Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Вотъ, четырехлѣтнее дитя, остается онъ безъ отца, и кому же ввѣряется его воспитаніе? Преступной матери и самовольству боярѣ, этихъ буйныхъ боярѣ,

крамольныхъ, корыстныхъ, которые не почитали за безчестіе и стыдъ лѣности, нерадѣнія, явнаго неповиновенія царской волѣ, проигрыша сраженія вслѣдствіе споровъ о мѣстахъ, а почитали себя обезчещенными, уничтоженными, когда ихъ сажали не по чинамъ на царскихъ пирахъ. И чтожь дѣлають съ царственнымъ отрокомъ эти корыстные и бездушные бояре? Онъ рветъ животное, наслаждается его смертными издыханіями, а они говорятъ: «пустъ державный тѣшится»! Кто-жь виновать, если потомъ онъ тѣшится надъ ними, своими развратителями и наставниками въ тиранствѣ? Онъ любитъ Телепнева, и они вырываютъ любимца изъ его объятій и ведутъ его на мѣсто казни. *Душа младенца была потрясена до основанія, а такія души не забываютъ подобныхъ потрясеній.* Онъ дѣлается юношею и распутничаетъ, бояре видятъ въ этомъ свою пользу и подучиваютъ его на распутство. Но зрѣлище народнаго бѣдствія потрясаетъ душу юнаго царя и вдругъ перемѣняетъ его: онъ женится, и на комъ

же? на кроткой, прекрасной Анастасіи; онъ уже не тиранъ, а добрый государь, онъ уже не легкомысленный и вѣтренный мальчикъ, а благоразумный мужъ: *какіе люди способны къ такимъ внезапнымъ и быстрымъ переменамъ? ужь конечно не просто добрые и неглупые!* Онъ подаетъ руку иноку Сильвестру и безродному Адашеву, онъ ввѣряется имъ, онъ какъ будто понимаетъ ихъ, *поняли-ль они его?* Люди народа, они дѣйствуютъ *благ ородно и безкорыстно, умно и удачно, но они оковываютъ волю царя;* эта воля была львиная и жаждала раздолья и дѣятельности самобытной, честолюбивая и пламенная... Своимъ вліяніемъ на умъ царя, они спеленали исполина, не думая, что ему стоитъ только пожать плечами, чтобъ разорвать пеленки. *Они наконецъ назначали ему и часъ молитвы, и часъ суда и совѣта и часъ царской потѣхи, покорили эту душу тяжкому, холодному, жалкому и бездушному ханженству, а эта душа была пылка, нетерпѣлива, стояла выше предрасудковъ своего времени и*

втайнѣ презирала безсмысленными обрядами. И царь надѣлъ иго, слушался своихъ любимцевъ какъ дитя, казалось былъ всѣмъ доволенъ; но его сердце точилъ червь униженія... У царя есть сынъ и есть дядя, послѣдній обломокъ разваливагося зданія удѣловъ. Царь боленъ при смерти; въ это время Русь уже пріучилась отрѣшиться крамоль; наследство престола было уже опредѣлено и утверждено общимъ народнымъ мнѣніемъ, сынъ царя былъ уже выше своего дяди. Что же? при смертномъ одрѣ умирающаго вѣнценосца возстала крамола: бояре отрекаются отъ законнаго наследника, къ нимъ пристаютъ Сильвестръ и Адашевъ... Царь все видитъ, все слышитъ: его санъ, его достоинство поруганы: у его смертнаго одра брань и чуть не драка; справедливость нарушена; его сынъ лишонъ престола, который отдается удѣльному князю, который въ глазахъ царя и народа казался крамольникомъ, хотя былъ невиненъ, которому право жизни было дано какъ будто изъ милости... Этотъ ударъ былъ

слишкомъ силенъ, нанесенная имъ рана была слишкомъ глубока, царь возсталъ для мщенія... *Трепещите, буйные и крамольные бояре! вашъ часъ пробилъ, вы сами накликали кару на свою голову, вы оскорбили льва, а левъ не забываетъ оскорбленій и страшно мститъ за нихъ...* Царь выздоровѣлъ, оглянулся назадъ: назади было его сирое дѣтство, казнь Овчины Телепнева, тяжкая неволя и ненавистная боярщина, поругавшаяся надъ его смертнымъ часомъ, оскорбившая и законъ и справедливость и совѣсть; взглянулъ впередъ: впереди опять тяжкая неволя и ненавистная боярщина... Мысль объ измѣнѣ и крамолѣ сдѣлалась его жизнью, и съ тѣхъ поръ, онъ вездѣ и во всемъ могъ видѣть одну измѣну и крамолу, какъ чловѣкъ, помѣшавшійся отъ привидѣнія, вездѣ и во всемъ видитъ испугавшій его призракъ... Къ этому присоединилась еще смерть страстно любимой имъ Анастасіи... И теперь, какъ понятно его постепенное измѣненіе, его переходъ къ злодѣйству... Ему надлежало

бы свергнуть съ себя тягостную опеку, слушать совѣты, а дѣлать по своему, не питать вѣры, но быть осторожнымъ съ боярщиною и править государствомъ къ его славѣ и счастію; но онъ жаждетъ мести, мести за себя, *а человекъ имѣетъ право мстить только за дѣло истины, за дѣло Божіе, а не за себя.* Мщеніе можетъ быть сладкій, но ядовитый напитокъ; это скорпіонъ самъ себя уязвляющій... Кровь тоже напитокъ опасный и ужасный: она чтъ морская вода, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ жажда сильнѣе, она тушитъ месть, какъ тушитъ масло огонь... Для Іоанна мало было виновныхъ, мало было бояръ, онъ сталъ казнить цѣлые города: онъ былъ боленъ, онъ опьянѣлъ отъ ужаснаго напитка крови... Все это вѣрно и прекрасно изображено у Полеваго и въ его изображеніи намъ понятно это безуміе, эта звѣрская кровожадность, эти неслыханныя злодѣйства, эта гордыня и вмѣстѣ съ ними эти жгучія слезы, это мучительное раскаяніе и это униженіе, въ которыхъ проявлялась вся жизнь Грознаго; намъ

понятно также и то, что только ангелы могутъ изъ духовъ свѣта превращаться въ духовъ тьмы... Іоаннъ поучителенъ въ своемъ безуміи, это не тиранъ классической трагедіи, это не тиранъ Римской имперіи, гдѣ тираны были выраженіемъ своего народа и духа времени: это былъ падшій ангель, который и въ паденіи своемъ обнаруживаетъ по временамъ силу характера желѣзнаго, и силу ума високаго...

Прежде еще чѣмъ остановлюсь я на этомъ весьма важномъ очеркѣ, я сопоставлю съ нимъ выписку изъ статьи «Отеч. Записокъ» 1840 года, въ которой Бѣлинскій восторженно увлекаясь поэмою Лермонтова о «Купцѣ Калашниковѣ», касается тоже образа Ивана IV.

На первомъ планѣ, — говоритъ нашъ критикъ, — видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный блескъ живъ еще въ преданіи и фантазіи народа... Что за

явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ «мужъ кровей», какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ? *Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи;* замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ *великаго развитія для великаго подвига;* но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей *даже въ какомъ нибудь развитіи,* оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи и лишили ее всякой возможности *пересоздать дѣйствительность,* то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились, нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ *дѣйствительности...* Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ скорѣе сожалѣніе какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... *Можетъ быть, это былъ своего рода великій человекъ, но только*

не во время слишкомъ рано явившійся Россіи, пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидавшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самага въ болѣзненной и безсознательной ярости. Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства, онъ самъ наиболее заслуживаетъ соболъзнованіе; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи...

Мы русскіе, — говоритъ еще Бѣлинскій уже въ 1843 году, сильнѣе и сильнѣе вдаваясь въ свой централизационный взглядъ и сопоставляя прямо Петра съ Іоанномъ (Т. VII, стран. 105), какъ съ его предшественникомъ въ выработкѣ

государственной идеи, — имѣли своего Ахилла, который есть неопровержимо-историческое лицо, ибо отъ дня смерти его протекло только 118 лѣтъ, но который есть миѳическое лицо со стороны необъятной важности духа, колоссальности дѣлъ и невѣроятности чудесъ, имѣ произведенныхъ. Петръ былъ полнымъ выраженіемъ русскаго духа и если бы между его натурою и натурою русскаго народа не было кровнаго родства, его преобразованія, какъ индивидуальное дѣло сильнаго средствами и волею человека, не имѣли бы успѣха. *Но Русь неуклонно идетъ по пути, указанному ей творцемъ ея.* Петръ выразилъ собою великую идею самоотрицанія случайнаго и произвольнаго въ пользу необходимаго, грубыхъ формъ ложно развившейся народности, въ пользу разумнаго содержанія національной жизни. Этою высокою способностью самоотрицанія, обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и ею то русское племя возвысилось надъ всеми славянскими племенами, въ ней то и

заключается источникъ его настоящаго могущества и будущаго величія. До Петра, вся русская исторія заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію разъединенныхъ частей страны и сосредоточенію ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ помогло и татарское иго и грозное царствованіе Іоанна...

Послѣ этихъ нарочно сопоставленныхъ мною мѣстъ, нельзя не удивляться тому, что Бѣлинскій въ 1846 году, стало быть въ эпоху еще позднѣйшую и еще болѣе теоретическую своей дѣятельности, находитъ энергическими стихи Языкова о Грозномъ — Языкова, котораго притомъ преслѣдовалъ онъ безпощадно. Это можно пояснить только великимъ художническимъ чувствомъ, которое никогда не покидало нашего критика, какъ бы сильно ни вдался онъ въ теорію.

Одушевляясь прошедшимъ, — пишетъ онъ въ одной рецензій 1846 г. (Соч. Бѣл. Т. X., стр. 389) какъ почтенный собесѣдникъ

старины, г. Н. Языковъ, вдругъ *обмолвился* нѣсколькими *энергическими* стихами объ Иванѣ Грозномъ:

«Трехъ музульманскихъ царствъ
счастливый покоритель
И кровопійца своего!
Неслыханный тиранъ, мучитель
непреклонный,
Природы ужасъ и позоръ.
Въ Москвѣ за казнь казнь; у
плахи незаконной
Весь день мясничаетъ
топоръ,
По земскимъ городамъ толпа
кромѣшныхъ бродитъ
Нося грабежъ, губя людей
И бѣшено свирѣпъ, самъ царь ее
предводитъ...»

Для того, чтобы уяснить себѣ и оцѣнить по достоинству значеніе взгляда Бѣлинскаго на личность Ивана IV, нужно принять въ соображеніе то обстоятельство, что Бѣлинскій былъ совершенно незнакомъ

съ источниками нашей исторіи вообще, въ его время еще мало доступными, создавалъ себѣ Ивана по карамзинскимъ формамъ съ одной стороны, и по отрицанію Полеваго съ другой, всѣмъ слѣдовательно обязанъ былъ своей гениальной чуткости и проницательности. Притомъ, стремясь разъяснить себѣ таинственную личность грознаго вѣнценосца, онъ имѣлъ въ виду цѣли болѣе психологическія и художественныя, чѣмъ историческія или политическія. Онъ былъ пораженъ этимъ, дѣйствительно знаменательнымъ образомъ, пораженъ какъ артистъ, и хотѣлъ разгадать внутреннія пружины страшныхъ дѣяній Ивана IV...

Въ 1836 году, къ которому принадлежитъ первое изъ выписанныхъ мною мѣстъ, Бѣлинскій еще былъ самымъ ярымъ поклонникомъ юной французской словесности; стоялъ, такъ сказать, на колѣняхъ передъ нею вообще, передъ Бальзакомъ въ особенности; восхищался не только глубокимъ анализомъ Бальзака, но и образами въ родѣ Феррагуса въ Histoire

de treize. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, на сколько онъ былъ правъ или не правъ въ тогдашнихъ своихъ увлеченіяхъ. Дѣло въ томъ, что исходная точка его симпатическаго взгляда на Ивана IV, заключается въ увлеченіи той эпохи вообще, и въ ея увлеченіи въ особенности страшными и мрачными натурами, демоническими и разрушительными стремленіями, — стремленіями, выходящими изъ общаго круга, идущими въ разрѣзъ съ общею жизнью. Такою личностью, такою титаническою натурою представилъ онъ себѣ и нашего Грознаго. Въ этомъ представленіи много правды, по крайней мѣрѣ оно и одно оно помогло разгадать сколько нибудь эту психологическую загадку, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы Бѣлинскій прямо по источникамъ изучилъ Грознаго со всѣхъ его сторонъ, онъ можетъ быть удачнѣе всѣхъ разгадалъ бы эту мрачную и вмѣстѣ ироническую, часто даже юмористическую (въ похожденияхъ Александровской Слободы, въ посланіи къ отцамъ

Бѣлозерскаго Кириловскаго монастыря),
вполнѣ *русскую* личность... Не имѣя же
подъ рукою ни фактовъ, ни красокъ для
этой фигуры, онъ набросилъ на нее общій
байроническій тонъ, и самая рѣчь его въ
приведенныхъ мѣстахъ о Грозномъ,
отзывается страстной, лихорадочной
тревожностью...

Но, какъ писатель общественный,
Бѣлинскій не могъ остановиться на одной
художественной симпатіи къ личности...
Онъ взглянулъ глубокимъ взглядомъ на
значеніе этой личности въ нашемъ развитіи
общественномъ — взглянулъ на Ивана, какъ
на общественнаго двигателя и съ разу
проложилъ и указалъ дорогу своимъ
ученикамъ. Въ статьѣ 1836 года, Бѣлинскій
еще ни слова не говоритъ о
государственномъ значеніи Ивана IV. Въ
статьѣ 1841 года, онъ, оговариваясь, что не
мѣсто и не время распространяться въ
статьѣ объ историческомъ значеніи
Грознаго, даетъ однако замѣтить, что въ
дѣлѣ его онъ видитъ «великій подвигъ», что
въ его страшныхъ казняхъ видно стремленіе

пересоздать дѣйствительность, говорить наконецъ прямо, что *можетъ быть* это былъ преждевременно явившійся великій человекъ... Вся послѣдующая школа родового быта уже заключается въ этомъ взглядѣ. Она отбросить только слово: «*можетъ быть*», которое и самъ Бѣлинскій поставилъ потому только, что не владѣлъ достаточнымъ количествомъ фактовъ, подтверждающихъ взглядъ и почерпнутыхъ прямо изъ источниковъ; потому только, что говорилъ гадательно. Когда же явилась книга Котошихина, когда отрицателямъ представилась цѣлая масса фактовъ, обличающихъ «ужасную дѣйствительность», тогда Бѣлинскій прямо и послѣдовательно призналъ Ивана IV предшественникомъ Петра Великаго, какъ свидѣтельствуется третье приведенное мною мѣсто, — вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей неумолимой послѣдовательности, онъ наравнѣ съ Иваномъ призналъ и татарское иго необходимымъ звѣномъ въ нашемъ государственномъ развитіи...

Но не только основная идея всѣхъ послѣдующихъ взглядовъ на личность Ивана IV и его историческое значеніе, заключается въ приведенныхъ выпискахъ, — нѣтъ! въ нихъ заключаются намеки на всѣ самыя тонкія подробности. У Бѣлинскаго уже является та мысль, что Иванъ IV пришолъ въ міръ съ «*призваніемъ на великое дѣло*». Г. Соловьевъ только развилъ это «призваніе» фактически и раздвинулъ предѣлы брошенной Бѣлинскимъ мысли только тѣмъ, что сталъ доказывать въ Иванѣ сознательное чувство этого призванія. Бѣлинскій указалъ на разубѣжденіе Грознаго въ Сильвестрѣ и Адашевѣ. Гг. Соловьевъ и Кавелинъ только смѣлѣе и прямѣе объявили ихъ и ихъ партію отсталыми людьми, а Грознаго и палача Томилу прогрессистами. Все, однимъ словомъ, что развилось послѣ въ цѣлую теорію — существуетъ уже въ зародышѣ въ мысляхъ Бѣлинскаго, все, даже къ сожалѣнію, до клика *vae victis!* этого грустнаго результата историческаго фатализма, породившаго теорію родового

быта и централизаціи. У Бѣлинскаго крикъ этотъ только напряжоннѣй и лихорадочнѣй («Трепещите, буйные и крамольные бояре» и т. д.)...

Бѣлинскій, прежде всего обладалъ гениальнымъ чутьемъ, и потому нисколько не удивительно, что онъ намѣтилъ геркулесовы грани теоріи отрицанія и централизаціи. Можно сказать, что бросившись разъ по пути этой теоріи, онъ уже носилъ ее въ себѣ совершенно непосредственно, и перемѣняя часто взглядъ на частныя явленія, идеѣ централизаціи остается вѣренъ постоянно до послѣдняго года жизни, когда въ немъ повидимому готовился какой-то переломъ, совершенію котораго воспрепятствовала смерть. Въ 1836 ли году, фанатическій поклонникъ бурнаго романтизма; въ 1838 или 1839 году фанатикъ разумности дѣйствительности и ярый гонитель французовъ, романтизма и либерализма, въ сороковыхъ ли годахъ, предсказатель прогресса, онъ твердо и неуклонно стоитъ въ одномъ — въ отрицаніи и

централизаціонныхъ началахъ. Этимъ объясняются его нелюбовь къ славянству и стремленіямъ славянизма, его вражда къ малороссійской литературѣ, какъ къ мѣстной литературѣ и т. д. Эта нелюбовь къ славянству и эта вражда къ мѣстной малороссійской литературѣ, въ немъ являются чѣмъ-то странно-инстинктивнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, для того кто пристально прослѣдилъ дѣятельность Бѣлинскаго, въ томъ, что эпоха отъ 1834 до 1836 года, т. е. эпоха дѣятельности въ «Телескопѣ», единственная, въ которомъ мы видимъ его вполне, такъ сказать, на распашку, не подчиненнымъ никакой извнѣ пришедшей теоріи, отдающимъ беззавѣтно всею страстнымъ сочувствіямъ: по временамъ только страстные порывы его умѣряются вліяніемъ чужой могущественной мысли, мысли Надеждина, но и то борются съ этимъ вліяніемъ. Всего замѣчательнѣе, что и въ эту эпоху, Бѣлинскій, или прямо возстаетъ на первыя выраженія исключительно народныхъ стремленій или

относится къ нимъ отрицательно, насмѣшливо...

Первоначальныя стремленія исключительно народнаго направленія, выражались часто или въ нескладныхъ формахъ, какъ на примѣръ, оправданіе кулака, или въ юношескомъ высокомеріи и заносчивости противъ западнаго образованія. Выходку Бѣлинскаго противъ «кулака» я уже приводилъ. Не менѣ замѣчательны и двѣ выходки его въ рецензіи на книгу Венелина: «О характерѣ народныхъ пѣсень у славянъ Задунайскихъ».

Венелинъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей славянства, и одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей славянской мысли. Человѣкъ сердца, болѣе чѣмъ человѣкъ ума, обладавшій громадною, но безпорядочнѣйшею ученостью, одаренный геніальнымъ историческимъ чутьемъ и предупредившій многими идеями великаго Шафарика, въ отношеніи къ которому онъ былъ своего рода допотопною формаціей, онъ вносилъ въ науку всѣ

симпатіи и всѣ глубокія ненависти угнѣтеннаго племени, за которое, какъ и за всѣ славянскія племена въ совокупности, онъ готовъ былъ идти на крестъ и мученія. Статья его о пѣсняхъ задунайскихъ славянъ, какъ всѣ его къ сожалѣнію еще неизданныя вполнѣ сочиненія, представляетъ смѣсь геніальнѣйшихъ соображеній и глубокой критической проницательности, съ мыслями недозрѣлыми и неразъясненными, а иногда даже просто незрѣлыми и темными, но исполненными самой страстной заносчивости. Холодно и то какъ-бы повинуюсь общему духу своего тогдашняго журнала, хвалитъ Бѣлинскій достоинство книги Венелина, но явно враждебно относится къ ея слабымъ сторонамъ, съ какой-то злостью выставляетъ ихъ, и высказываетъ рѣзко свое несочувствіе къ славянству, его интересамъ, его враждамъ, стремленіямъ и даже къ его исторіи.

Мы пропускаемъ, — говоритъ онъ (соч. Бѣл. Т. II, стран. 175), что языкъ

г. Венелина нерѣдко бываетъ неправиленъ и страненъ, что онъ любитъ употреблять слова и выраженія, никѣмъ неупотребляемыя, какъ то: кухонность человѣческаго рода и тому подобныя, которыхъ не мало; все это не важно. Но насъ удивили нѣкоторыя его мысли, изложенныя частью въ выноскахъ, частью въ прибавленіяхъ къ статьѣ; онѣ кажутся намъ въ совершенной дисгармоніи съ тѣми, о которыхъ мы говорили выше. Съ трудомъ вѣрится, чтобы тѣ и другія принадлежали одному и тому же лицу. Что значитъ на примѣръ эта насмѣшка надъ Гёте, за то, что онъ выдалъ Елену Иліады за нѣмца Фауста? Неужели почтенному автору неизвѣстно, что есть художественныя сочиненія, которыя будучи неестественны, несбыточны и нелѣпы въ фактическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе истинны поэтически? Неужели ему неизвѣстно, что въ творествѣ, сказка или рассказъ бываетъ иногда только символомъ идеи? Что за насмѣшка надъ красавицею Еленою, которую авторъ грозитъ наказать самымъ

славянскимъ, т. е. *самымъ варварскимъ* наказаніемъ? За что такая немилость? Неужели почтенный авторъ думаетъ, что дѣйствующія лица въ поэмѣ должны быть резонабельны, нравственны, словомъ должны отличаться хорошимъ поведеніемъ? Неужели ему неизвѣстно, что самыя понятія о нравственности не у всѣхъ народовъ сходны? Елена нисколько не оскорбляла своимъ поведеніемъ жизни древнихъ; она совершенно въ духѣ народа и въ духѣ времени. Ее такъ же смѣшно упрекать въ безнравственности, какъ смѣшно упрекать *Задунайскихъ славянъ въ томъ, что они головорѣзы...*

Повидимому въ высшей степени правильны здѣсь нападки Бѣлинскаго, но въ этихъ правильныхъ и разумныхъ нападкахъ кроется столько инстинктивно враждебнаго, что жолчь въ нихъ постепенно накапливается, накапливается и наконецъ прорывается злобною выходкою противъ задунайскихъ славянъ, столь дорогихъ сердцу благороднаго, самоотверженнаго

труженика болгарскаго и всего славянскаго дѣла... Дѣло ясное теперь для насъ читателей, что всѣ «неужели», обращаемаыя рецензентомъ къ Венелину, «неужели» столь справедливыя и разумныя, въ сущности къ Венелину не относятся. Все, о чемъ допрашивалъ его Бѣлинскій, Венелинъ зналъ конечно такъ же хорошо, какъ самъ Бѣлинскій, но у Венелина кровь кипѣла, жолчь подымалась при словѣ «нѣмецъ», и вотъ рука расходилась, въ ученой книгѣ вырвались необдуманная слова племенной ненависти, — хоть на чемъ нибудь, хоть не кстати, да сорвать злость на нѣмцевъ! До Елены, до Фауста, тутъ и дѣла нѣтъ, тутъ звучить старая пѣсня о Любушиномъ судѣ, что не хорошо

искать у нѣмцевъ правды...
У насъ правда по закону святу,
Принесли ту правду наши
дѣды,
Черезъ три рѣки на нашу
землю.

Туть явно видима наивная, племенная обмолвка. И вотъ обмолвка эта попадаетъя человѣку, у котораго кровь кипить и жолчь накипѣла отъ противорѣчій нашей славянской дѣйствительности, тому блестящему идеалу, который выработало остальное человѣчество, который именно въ нашей славянской дѣйствительности видить причины нашей отсталости и неразвитости...

Оба эти человѣка правы... но за наивную, почти дѣтскую, въ своей заносчивости обмолвку одного, злобно и даже разсчетливо мститъ другой. Этотъ другой, сильнѣе и ясностью ума и твердыми, хотя чужими основами взгляда.

Потомъ, — продолжаетъ рецензентъ, — что это за нападки на Гердера и Гизо? И за чтоже? За то что *они находили духъ рыцарства и героизма только въ нѣмецкихъ племенахъ, а не въ славянскихъ? Странно.* Конечно, героизмъ т. е. непосѣдность, предприимчивость и страсть къ кровопролитію *свойственны всякому младенчеству и народу*

болше или менше; но самый этот героизмъ имѣетъ болший или меньшій кругъ дѣйствія. Норманны переплывали моря и завоевывали отдаленныя страны, а славяне дрались съ своими сосѣдями или другъ съ другомъ. Что же касается до рыцарства, то оно безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ исключительно одной Европѣ среднихъ вѣковъ и именно нѣмцамъ. Рыцарство и героизмъ очень похожи другъ на друга, но между ними есть и большая разница; героизмъ бываетъ почти всегда безсмысленъ, а рыцарство водится всегда идеею! Гдѣ же надо искать этой идеи? Неужели въ безсмысленной рѣвнѣ Задунайскихъ славянъ съ турками или кавказскихъ племенъ между собою? За что же г. Венелинъ такъ сердится на Гизо и особенно на великаго Гердера, что они были неуважительны къ славянамъ? Я презираю это дѣтское обожаніе авторитетовъ, вслѣдствіе котораго нельзя сказать о Мильтонѣ, что онъ не поэтъ, или по крайней мѣрѣ не великій поэтъ и тому подобное; но съ тѣмъ вмѣстѣ противъ

неуважительнаго тона къ людямъ, оказавшимъ челоѡчеству большія услуги, каковъ Гердеръ и слова: «Гердеръ дѣтствуетъ, Гердеръ ребячествуетъ» мнѣ кажутся неумѣстными. Гердеръ могъ ошибаться, могъ не знать чего либо, но никогда онъ не могъ ни дѣтствовать, ни ребячиться. Намъ желательно чтобы г. Венелинъ и т. д...

Это мѣсто, въ которомъ все, по крайней мѣрѣ повидимому, справедливо, кромѣ злости, въ высшей степени знаменательно и въ отношеніи къ исторіи борьбы двухъ направленій и въ отношеніи къ самому Бѣлинскому. Безпощадная послѣдовательность вражды заводитъ его въ «Телескопъ» 1836 года, почти въ тоже самое, что высказано имъ было въ сороковыхъ годахъ. Вѣдь тутъ ужъ чуть—чуть что нѣтъ симпатіи къ туркамъ, какъ къ организованному государству, чуть—чуть что нѣтъ этого знаменитаго положенія, которое докончилъ послѣдовательно «Атеней» мрачной памяти, въ лѣто отъ

Р. Х. 1859, чуть—чуть что нѣтъ того однимъ словомъ, за что глубоко ненавидѣло славянофильство Бѣлинскаго, за что оно готово было оскорблять его великую память...

И кто же тутъ виновать?.. Не виновато славянофильство, ибо Бѣлинскій увлекаемый теоріею, шоль на переکورъ его завѣтнѣйшимъ и притомъ благороднѣйшимъ стремленіямъ; не виновать и Бѣлинскій, вѣрный здѣсь своему принципу, своимъ идеаламъ до фанатизма... Ходъ мысли его касательно нашей связи съ славянствомъ, т. е. касательно нашей народности вообще, былъ таковъ, что только отрицаніемъ нашей самости, мы вступаемъ въ семью человѣчества, что исторіи у насъ нѣтъ до Петра и до реформы.

До славянъ же, — говоритъ онъ въ 1845 году (соч. Бѣл. Ч. IX, стр. 417), намъ нѣтъ дѣла, потомучто они не сдѣлали ничего такого, что дало бы имъ право на вниманіе науки и на основаніи чего наука

могла бы видѣть въ ихъ существованіи *фактъ исторіи человечества.*

Вотъ оно главное слово разгадки: **человѣчество!** это абстрактное **человѣчество** худо понятаго гегелизма, **человѣчество**, котораго въ сущности нѣтъ, ибо есть организмы растущіе, старѣющіеся, перерождающіеся, но вѣчные: народы. Для того, чтобы оно *было*, — это абстрактное **человѣчество**, нужно непременно признать какой либо условный идеаль его. Этому идеалу жертвуется всѣмъ народнымъ, мѣстнымъ, органическимъ... Въ концѣ концовъ, въ результатахъ этого идеала, стоитъ конечно то, о чемъ Гегелю и не снилось.

Чаадаевъ былъ проще и послѣдовательнѣе. Онъ прямо схватился за католицизмъ, за блестящее и вѣковое выраженіе мертвящей централизаціи, прямо взглянулъ въ лицо *теоріи*, абсолютнѣе отрекся отъ *жизни!*..

III

Всякій народъ есть нѣчто цѣлое, особое, частное и индивидуальное; у всякаго народа своя жизнь, свой духъ, свой характеръ, свой взглядъ на вещи, своя манера понимать и дѣйствовать. Въ нашей литературѣ теперь борются два начала, французское и нѣмецкое. Борьба эта началась уже давно, и въ ней—то выразилось рѣзкое различіе направленія нашей литературы. Разумѣется, что намъ такъ же не къ лицу идти быть нѣмцами, какъ и французами, *потому что у насъ есть своя національная жизнь, глубокая, могучая, оригинальная; но назначеніе Россіи есть принять въ себя всѣ элементы не только европейской, но міровой жизни,* на что достаточно указываетъ ея историческое развитіе, географическое положеніе и самая многосложность племенъ, вошедшихъ въ ея составъ и теперь *перекаляющихся въ горниль великорусской жизни, которой Москва есть средоточіе и сердце, и приобщающихся къ ея сущности.* Разумѣется, принятіе элементовъ всемірной

жизни не должно и не можетъ быть механическимъ или эклектическимъ какъ философія Кузена, сшитая изъ разныхъ лоскутковъ, а живое, органическое, конкретное: эти элементы, принимаясь русскимъ духомъ, не остаются въ немъ чѣмъ-то *постороннимъ и чуждымъ, но перерабатываются въ немъ, преобразуются въ его сущность и получаютъ новый самобытный характеръ.*

Такъ въ живомъ организмѣ разнообразная пища, процессомъ пищеваренія обращается въ единую кровь, которая животворитъ единый организмъ. Чѣмъ многосложнѣе элементы, тѣмъ богатѣе жизнь. Неуловимо безконечны стороны бытія, и чѣмъ болѣе сторонъ выражаетъ собою жизнь народа, тѣмъ могучѣе, глубже и выше народъ. *Мы русскіе наследники цѣлаго міра, не только европейской жизни, и наследники по праву.* Мы не должны и не можемъ быть англичанами, ни французами, ни нѣмцами, *потому что мы должны быть русскими;* но мы возьмемъ какъ свое все что составляетъ исключительную сторону

жизни *каждаго европейскаго народа, и возьмемъ ее, не какъ исключительную сторону, а какъ элементъ для пополненія нашей жизни, исключительная сторона которой, должна быть многосторонность неотвлеченная, а живая, конкретная, имѣющая свою собственную народную физиономію и народный характеръ. Мы возьмемъ у англичанъ ихъ промышленность, ихъ универсальную практическую дѣятельность, но не сдѣлаемся только промышленными и дѣловыми людьми; мы возьмемъ у нѣмцевъ науку, но не сдѣлаемся только учеными; мы уже давно беремъ у французовъ моды, формы свѣтской жизни, шампанское, усовершенствованія по части высокаго и благороднаго повареннаго искусства; давно уже учимся у нихъ любезности, ловкости свѣтскаго обращенія; но пора уже перестать намъ брать у нихъ то, чего у нихъ нѣтъ: знаніе, науку. Ничего нѣтъ вреднѣе и нелѣпѣе, какъ не знать, гдѣ чѣмъ можно пользоваться.*

Вліяніе нѣмцевъ благотвѣтельно на насъ во многихъ отношеніяхъ, и со стороны науки и искусства и со стороны духовно-нравственной. Не имѣя ничего общаго съ нѣмцами въ частномъ выраженіи своего духа, мы много имѣемъ съ ними общаго въ основѣ, сущности, субстанціи нашего духа. Съ французами мы находимся въ обратномъ отношеніи: хорошо и охотно сходясь съ ними въ формахъ общественной (свѣтской) жизни, мы враждебно противоположны съ ними по сущности (субстанціи) нашего національнаго духа (Соч. Бѣл. Т. II. стр. 304).

Кромѣ природы и личнаго человѣка, есть еще общество и человѣчество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она во мнѣ и какими бы волнами ни лилась черезъ край, *она не полна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человечества.* Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежитъ на сердцѣ судьба родины; всякая благородная личность

глубоко сознаеть свое крѣпкое родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣеть свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человекъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества; онъ болѣеть его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастіемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самаго въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человека, ни человекъ гражданина; въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. *Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви*

*къ челоѣчеству, какъ частная изъ
общаго. Любить свою родину значитъ,
пламенно желать видѣть въ ней
осушествленіе идеала челоѣчества и по
мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому.
Въ противномъ случаѣ, патріотизмъ будетъ
киншизмомъ, который любитъ свое
только за то, что оно свое, и ненавидитъ
все чужое за то только, что оно чужое и
не на радуется собственнымъ безобразіемъ
и уродствомъ. Романъ англичанина
Морьера «Хаджи Баба» есть превосходная
и вѣрная картина подобнаго *квасно*го (по
счастливному выраженію князя Вяземскаго)
патріотизма. Человѣческой натурѣ сродно
любить все близкое къ ней, свое родное и
кровное; но эта любовь есть и въ
животныхъ, слѣдовательно любовь
человѣка должна быть выше. Это
превосходство любви челоѣческой передъ
животною состоитъ въ разумности, которая
тѣлесная и чувственная просвѣтляетъ
духомъ, а этотъ духъ есть общій.
Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о
родномъ языкѣ, что лучше чужой да*

хорошій, чѣмъ свой да негодный, лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснить частнымъ общее. Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человѣкъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было, только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ чтѣ есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ, любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человечеству (Соч. Бѣл. Т. IV. стр. 261).

Для того, чтобы совершенно понять два этихъ весьма характеристическихъ мѣста, — одно, относящееся къ 1838, другое къ 1841 году, но оба связанные очевидно однимъ и тѣмъ же направленіемъ мысли; для того, чтобы уяснить себѣ ихъ содержаніе и тонъ, нужно перенестись нѣсколько въ то время, въ которое они были писаны.

Время же это характеризуется однимъ словомъ: гегелизмъ...

О гегелизмѣ, Генрихъ Гейне сказалъ весьма остроумно, хоть и очень поверхностно, что онъ похожъ на странныя и по формамъ уродливыя письма, которыми выражено простое и ясное содержаніе, въ противоположность таинственнымъ іероглифамъ шеллингизма, въ сущности ничего якобы не выражающимъ. Ни въ отношеніи къ гегелизму, ни въ отношеніи къ шеллингизму, это рѣшительная неправда. И содержаніе гегелизма и содержаніе шеллингизма, какъ содержаніе вообще философіи, безгранично—широко и въ сущности едино... Но дѣло не въ томъ. Гегелизмъ, въ первоначальную эпоху своего къ намъ привитія, дѣйствовалъ на насъ преимущественно магическимъ обаяніемъ своихъ таинственныхъ формъ и своимъ «змѣинымъ» положеніемъ о тождествѣ разума съ дѣйствительностью. Сначала мы съ самою наивною вѣрою приняли это положеніе, что «Was ist — ist vernünftig»,

съ такою вѣрою, которой никогда не желалъ великій учитель, не даромъ скорбившій о томъ, что никто изъ учениковъ его, его не понималъ... Послѣдствія этой наивной вѣры, были часто самыя комическія въ приложеніи къ дѣйствительности, въ особенности у насъ, гдѣ гегелизмъ по источникамъ знакомъ былъ весьма немногимъ, да и этими немногими большею частью былъ усвоенъ совершенно формально. Слова «духъ челоуѣчества», «воля челоуѣчества» для адептовъ имѣли какое-то таинственно-реальное бытіе, служили какими-то всепримиряющими и успокоивающими формулами. Къ смѣльчакамъ, которые придавали этимъ формуламъ только номинальное значеніе, адепты питали чуть что не презрѣніе, какъ къ *матеріалистамъ* и *либераламъ*.

Къ числу самыхъ жаркихъ адептовъ принадлежалъ Бѣлинскій. Силою одного ума и чутья, онъ, совершенно незнакомый съ гегелизмомъ по источникамъ, такъ сказать пережилъ весь гегелизмъ внутри

самаго себя, изъ намековъ развилъ цѣлую систему и развивалъ ее діалектически съ послѣдовательностью, свойственною одному русскому человѣку.

Въ 1834—1836 годахъ, ярый романтикъ, фанатическій поклонникъ тревожныхъ чувствъ, страстныхъ грезъ и разрушительныхъ стремленій юной французской словесности, онъ вдругъ въ 1838 г., въ «Зеленомъ Наблюдателѣ» является по крайней мѣрѣ по внѣшнимъ формамъ своимъ, совершенно инымъ человѣкомъ, предсказателемъ новаго, ученія, обѣщающаго примиреніе и любовь, оправдывающаго вполнѣ дѣйствительность вообще, стало—быть и нашу дѣйствительность...

Разумѣется, онъ на этомъ не могъ остановиться, потомучто не способенъ былъ жить призраками, а искалъ правды. Не могли остановиться на такомъ пунктѣ и другіе, но отъ этого пункта можно было идти въ совершенно разныя стороны. Такъ оно и было. Аксаковъ (К. С.), котораго вступленіе къ его магистерской диссертациі

о Ломоносовѣ представляетъ этотъ моментъ гегелизма, доведенный до самыхъ комическихъ крайностей, пошолъ совершенно въ другую сторону. Бѣлинскій же безтрепетно шолъ отъ крайностей къ крайностямъ, наивно забывая въ пользу послѣднихъ предшествовавшія, фанатически вѣруя въ послѣднія, какъ единственно-истинныя, готовый сегодня восторгаться дѣйствительностью *quand mSme*, завтра рвать на себѣ волосы за эти восторги и послѣ завтра уже совершенно отдаваться новому и озлобленно преслѣдовать свои старыя заблужденія...

Но прежде чѣмъ слѣдить шагъ за шагомъ за его развитіемъ, нельзя не замѣтить того, что онъ всегда остается вѣрнымъ одному, именно, какъ уже я сказалъ прежде — отрицанію и централизационнымъ началамъ.

Стоитъ только повнимательнѣе перечестъ два приведенныхъ мною мѣста о національности, чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться... Основная идея, проникающая эти мѣста, вовсе не національная жизнь, хоть ей и придаются

эпитеты «глубокой, могучей, оригинальной» а космополитизмъ. Наша національная жизнь явнымъ образомъ представляется здѣсь какою-то эклектической. Бытіе ея признается только со временъ реформы, той реформы, которая устами преобразователя говорила о родномъ языкѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный. За русскими, какъ за славянами не признается ровно ничего, и въ кругъ міровой жизни они не вносятъ ничего своего, т. е. славянскаго: значеніе наше только въ многостороннемъ усвоеніи европейской жизни, въ нашихъ отрицательныхъ достоинствахъ, въ нашей способности усвоить чужое и отрицаться отъ своего... Это однимъ словомъ только оборотная сторона медали, только другая сторона того, о чемъ говорилъ Бѣлинскій въ 1836 году.

Логическія послѣдствія такого взгляда были:

- 1) Уничтоженіе всего непосредственнаго, прирожденнаго въ пользу выработаннаго духомъ, искусственнаго.
- 2) Уничтоженіе всего

мѣстнаго въ пользу общенаціональнаго, и потому же принципу всего общенаціональнаго въ пользу общечеловѣческаго.

Изъ перваго общаго послѣдствія вытекали сами собою съ постепенною послѣдовательностью предпочтенія поэзіи искусственной всякой поэзіи народной, и въ особенности нашей народной поэзіи, и какъ крайняя грань логической мысли, знаменитое положеніе конца сороковыхъ годовъ, что «гвоздь, выкованный рукою человѣка, лучше самаго лучшаго цвѣтка природы». Изъ втораго развивались послѣдовательно централизаціонный взглядъ на нашу исторію, равнодушіе къ нашему славянизму, во имя нашего европеизма и даже какое-то презрѣніе къ славянскимъ стремленіямъ, насмѣшливое и враждебное отношеніе ко всякимъ мѣстно-народнымъ, преимущественно малороссійскимъ литературнымъ стремленіямъ, если только они обособливались...

Съ особенною ясностью развиваетъ Бѣлинскій свой космополитическій взглядъ въ 1841 году, въ статьѣ своей по поводу Кошихина.

Записные наши историческіе критики, — говоритъ онъ въ ней между прочимъ, — заняты вопросомъ, откуда пошла Русь, отъ Балтійскаго или отъ Чернаго моря. Имъ какъ-будто и нужды нѣтъ, что рѣшеніе этого вопроса не дѣлаетъ *ни яснѣе, ни занимательнѣе* баснословнаго періода нашей исторіи. *Норманны ли забалтійскіе или татары запонтійскіе, все равно; ибо если первые не внесли въ русскую жизнь европейскаго элемента, плодотворнаго зерна всемірно историческаго развитія, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ языкъ, ни въ обычаяхъ, ни въ общественномъ устройствѣ, то стоитъ ли хлопотать о томъ, что норманны, или калмыки пришли князяти надъ словены; если же это были татары, то развѣ намъ легче будетъ, если мы узнаемъ, что они пришли къ намъ изъ-за Урала, а не изъ-за*

Дона и вступили въ словенскую землю правою, а не лѣвою ногою. Ломать голову надъ подобными вопросами, лишенными существенной важности, которая дается факту только мыслью, все равно, что пускаться въ хронологическія изысканія и писать цѣлые томы о томъ, какого цвѣта были доспѣхи Святослава и на которой щекѣ была родимка у Игоря...

Не будь эта выходка внушена фанатизмомъ отрицанія, понятнаго исторически въ ту эпоху и необходимаго логически, она была бы цинизмомъ, достойнымъ Сеньковскаго... Не говорю уже о степени ея научно-исторической правды. Наше время доказало насколько еще важны въ исторіи нашего быта вопросы, которые критикъ считалъ лишонными всякаго интереса, какъ мы постоянно возвращаемся къ этимъ вопросамъ, увлекаемые какой-то роковой необходимостью...

А между тѣмъ, — продолжаетъ Бѣлинскій, — этотъ первый и *безплодный*

(!!) періодъ нашей исторіи, поглощаетъ, или по крайней мѣрѣ поглощаль всю дѣятельность бльшей части нашихъ умныхъ изслѣдователей, которые и знать не хотятъ того, что имена Рюриковъ, Олеговъ, Игорей и *подобныхъ имъ героевъ*, наводятъ скуку и грусть на мыслящую (!!)
часть публики и *что русская исторія начинается съ возвышенія Москвы и централизаціи около нея удѣльныхъ княжествъ, т. е. съ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго*. Все что было до нихъ, должно составить коротенькій разсказъ на нѣсколькихъ страничкахъ, въ родѣ введенія, разсказъ съ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: лѣтописи говорятъ, но думать должно; вѣроятно; можетъ быть; могло быть и т. д. Подобное введеніе должно быть кратко, ибо что интереснаго въ подробномъ повѣствованіи о колыбельномъ существованіи хотя бы и великаго челоука?.. И малые и великіе люди въ колыбели равно малы; спятъ, кричатъ, ѣдятъ, пьютъ. Даже и собственно *исторія московскаго царства есть только*

введеніе, разумѣется несравненно важнѣе перваго, — введеніе въ исторію государства русскаго, *которое началось съ Петра*. (Соч. Бѣл. т. IV. стр. 337.)

Время совершило уже судъ свой надъ этимъ взглядомъ, и съ нимъ какъ съ отжившимъ вполнѣ, бороться нечего. Приводя выписки, представляющія заблужденія великаго человѣка, я привожу ихъ какъ факты заблужденій цѣлой эпохи — заблужденій, вытекавшихъ изъ ошибочнаго взгляда, но въ высшей степени послѣдовательныхъ и стало-быть вполнѣ добросовѣстныхъ.

Въ недавнее время въ журналѣ «Свѣточъ» явилась статья о Бѣлинскомъ, имѣющая цѣлью доказать, что Бѣлинскій не былъ въ сущности, въ послѣднюю эпоху его дѣятельности, ни западникомъ, ни славянофиломъ и указывалъ на *русское* направленіе, на *русскую* самобытность. Статья, очень умная между прочимъ, не уяснила себѣ одного, что нельзя быть русскимъ, не бывши славяниномъ, что

русское направленіе разрывая связи съ славянизмомъ, разрываетъ связи съ своею сущностью и переходитъ въ отрицательный космополитизмъ и въ апоѳеозу централизаціи. Что Бѣлинскій по его пламенной и жизненной натурѣ, смѣло отрекся бы въ пятидесятихъ годахъ отъ своихъ заблужденій, прямѣе другихъ отнесся бы къ новому направленію и съ такой же чистотою сталъ бы во главѣ его, съ какой стоялъ онъ во главѣ направленія отрицательнаго, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но нѣтъ ни малѣйшаго же сомнѣнія и въ томъ, что во всемъ оставшемся намъ отъ него, онъ является отрицателемъ и централизаторомъ, врагомъ и гонителемъ народности, какъ славянской сущности, преслѣдователемъ всѣхъ мѣстныхъ проявленій народности...

Въ преслѣдованіи своемъ доходилъ онъ до жестокой послѣдовательности, до своего рода терроризма. Вотъ что писалъ онъ на примѣръ по поводу книжки, изданной однимъ изъ безкорыстныхъ подвижниковъ

славянскаго дѣла: «Денница ново-болгарскаго образованія».

Цѣль этой книжки, познакомить русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль поясненная и исполненная отчасти недурно. Въ книжкѣ есть интересные факты. Просвѣщеніе болгаръ пока еще не отличается слишкомъ большимъ свѣтомъ; но другъ человѣчества не можетъ не порадоваться и одному началу благого дѣла. *Въ этомъ случаѣ, вопросъ не о болгарахъ и не о славянахъ, а о людяхъ.* Всѣ люди должны быть братьями людямъ. Изъ-за большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. *Если эти меньшіе уже слишкомъ малы, такъ что едва лепечутъ кое-что, можно ихъ не слушать;* но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, *что можетъ быть будутъ когда-нибудь и говорить.* Вотъ на примѣръ стихи — дѣло другое; если они плохи, имъ нечего радоваться. Если же они внушены какимъ-

нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ на примѣръ признательностью, воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ. Намъ рѣшительно не нравится: «Рыданіе на смерть Ю. Н. Венемена.» Вотъ для примѣра отрывокъ:

«Плачьте, рыдайте
Всы болгарски чада
Изгубихме вѣчно,
Юрья Венемена,
Нашъ премудрый братъ!

Но на вѣчный спомель,
Въ наши же сердца же,
Не готово име,
Ше бы безсмертно
Ако и умрель...»

Впрочемъ и то сказать, можетъ быть эти стихи и хороши для людей, знакомыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи, не споримъ! Учитесь, учитесь добрые, почтенные болгары! До

того же времени постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всѣмъ славянофиламъ побольше въѣзливости и человечности. Кто болѣе интересуется литературою Франціи, Германіи и Англіи, нежели болгарскими букварями, на тѣхъ они смотрятъ какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли еретиками. Наши испанцы, т. е. наши ревнители, хотъ сейчасъ готовы были бы учредить инквизицію для истребленія духа европолюбія и для распространенія духа азіелюбія и обскурантизма, т. е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя), недавно написалъ на насъ въ московскомъ журналѣ, и именно по поводу книжки г. Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушіи къ ученымъ государствамъ, находящимся подъ владычествомъ Турціи и въ любви къ нѣмецкимъ гелертамъ. Прочитавъ это предъявленіе, мы воздали хвалу Богу, что

живемъ въ XIX вѣкѣ, а то сгорѣть бы намъ на кострѣ. Въ самомъ дѣлѣ, добрые болгары насъ уличали въ страшномъ преступленіи. Мы, видите, какъ—то сказали, что турки народъ, образующій собою государство, а болгаре — только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ — то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ историческаго права, которое есть сила. Досталось же за это и намъ и нѣмецкимъ гелертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ славянскихъ гелертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣльваться съ русскими литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ прійдется также избѣгать всякаго съ ними столкновенія, какъ вы избѣгаете его съ турецкими кадіями... Да! просвѣщайтесь, добрые болгары! дай Богъ вамъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если не можете безъ нихъ обходиться; только Бога ради, берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ

*своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ
больше турковъ!* (Соч. Бѣл. т. VI.
стр. 447.)

Судить собственно самага Бѣлинскаго за эту выходку нельзя. Злость ея вызвана была безтактностью защитниковъ славянскаго дѣла, и если я привелъ ее въ настоящемъ случаѣ, то вовсе ужь конечно не изъ желанія глумиться надъ проиграннымъ дѣломъ отрицанія и централизаціи, а для того, чтобы показать, до какой степени безпощадности можетъ простираться послѣдовательность принципа и фанатизмъ вѣры. Да, повторишь еще разъ невольно слова великаго поэта:

Keimt ein Glaube neu
Wird oft Lieb und Treu,
Wie ein bѣses Unkraut
ausgerauft.^(*)

---

^(*) Когда встаетъ новая вѣра, то часто дружба и любовь вырываются съ корнемъ, какъ сорныя травы.

Не входя еще въ разбирательство частныхъ причинъ, вызвавшихъ со стороны Бѣлинскаго иронически–раздражонную діатрибу, въ оправданіе ея жестокости припомню только читателямъ, что она относится къ 1842 году, къ времени, когда споръ двухъ лагерей совершенно еще не выяснился, когда противники положительно не понимали другъ друга...

«Славянство и народность» значили для Бѣлинскаго вовсе не то, что значать они теперь для насъ. Онъ видѣлъ въ нихъ сторону мрака и застоя, видѣлъ въ нихъ препятствіе ходу гуманной цивилизаціи. Въ общей схемѣ его философско–историческаго міросозерцанія, народы и народности вообще играли переходную роль въ отношеніи къ отвлеченному идеалу челоѣчества. Идеаль этотъ имѣлъ для него реальное значеніе... Не доходя еще до положенія о томъ, что гвоздь, выкованный рукою челоѣка дороже и лучше самаго роскошнаго цвѣтка природы, онъ уже приближался къ этому положенію, къ которому вель его гегелизмъ лѣвой

стороны, столь же несправедливый въ своихъ рѣзкихъ выводахъ, какъ гегелизмъ правой стороны въ своемъ формализмѣ... Принесеніе народнаго вообще въ жертву общечеловѣческому, и принесеніе всего непосредственнаго въ пользу благопріобрѣтеннаго, созданнаго духомъ, было только прямымъ результатомъ доктрины, совершенно отдѣлявшей духъ отъ природы.

Замѣчательно, что подъ вліяніемъ увлеченія доктриною, Бѣлинскій постепенно все болѣе и болѣе терялъ всякое сочувствіе къ народной, непосредственной, безыскусственной поэзіи, не только къ нашей и славянской въ частности, но ко всякой вообще...

Слава Богу, — говоритъ онъ, разбирая въ 1844 году ново-греческія, народныя стихотворенія, — теперь это бѣснованіе (собирать народныя пѣсни и переводить чужія!!!) уже прошло; *теперь имъ одержимы только люди недалекіе, которымъ суждено вѣчно повторять*

чужіе зады и не замѣчать смѣны стараго новымъ. Никто не думаетъ теперь отвергать *относительнаго* достоинства народной поэзіи, но никто уже кромѣ людей запоздалыхъ, *не думаетъ придавать ей важности, которой она не имѣетъ*. Всякій знаетъ теперь, что въ ней есть своя жизнь, свое одушевленіе, естественное, наивное и простодушное, но что все этимъ и оканчивается, ибо она *бѣдна мыслью, бѣдна содержаніемъ и художественностью*. (Т. IX, стр. 102).

Такой взглядъ на поэзію народную вообще, хотя и въ высшей степени неправильный, но довольно еще спокойный, переходилъ у нашего критика въ совершенно враждебный и фанатически-нетерпимый, какъ только дѣло касалось до нашей или до славянской народной поэзіи.

Всѣ, — говоритъ онъ (т. IV, стр. 158), согласились въ томъ, что въ народной рѣчи есть своя свѣжесть, энергія, живописность, и въ народныхъ пѣсняхъ и *даже (?)*

сказкахъ своя жизнь и поэзія, и что не только не должно ихъ презирать, но еще и должно ихъ собирать, какъ живые факты исторіи языка, характера народа. Но вмѣстѣ съ этимъ, теперь никто уже не будетъ преувеличивать дѣла и въ народной поэзіи видѣть что-нибудь *большее, кромѣ младенческаго лепета, имѣющаго свою относительную важность, свое относительное достоинство.* Но отсталые поборники блаженной памяти такъ называемаго романтизма, упорно остаются при своемъ. Они такъ сказать застряли въ поднятыхъ ими вопросахъ, и не совладавъ съ ними, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вязнуть въ нихъ, какъ мухи поавшіяся въ медъ. Для нихъ *«не бѣлы снѣжки»* едва ли не важнѣе *любого лирическаго произведенія Пушкина, и сказка о «Емель дурачкѣ»* едва ли не важнѣе *«Каменнаго гостя» Пушкина.*

IV

Было бы неумѣстно останавливаться на подробномъ анализѣ всѣхъ послѣдствій того принципа отрицанія и централизаціи, котораго поборникомъ былъ Бѣлинскій, и приводить всѣ его выходки противъ народности вообще, противъ нашей народности, противъ возможности мѣстной малороссійской литературы и поэзіи, противъ значенія востока въ человѣчествѣ и т. д. Время совершило свой судъ надъ этой доктриной, опровергло ее и фактами (Шевченко), изслѣдованіями ученыхъ (Буслаевъ), общимъ повсемѣстно и постоянно распространяющимся сочувствіемъ къ народности. Заблужденія Бѣлинскаго имѣли въ сущности одинъ характеръ, проистекая изъ одного источника, именно изъ исключительно-историческаго воззрѣнія.

На днѣ этого воззрѣнія лежитъ — въ какія бы формы воззрѣніе ни облакалось — идея отвлеченнаго человѣчества. Безотраднѣйшее изъ созерцаній, въ которомъ идеаль постоянно находится въ будущемъ (*im Werden*), въ которомъ

всякая минута міровой жизни является переходной формою, къ другой столь же переходной формѣ — бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль безъ малѣйшей надежды за что либо ухватиться, въ чемъ либо найдти точку опоры.

И такъ какъ человѣческой натурѣ, при стремленіи ея къ идеалу, врождено непремѣнное же стремленіе вообразать себѣ идеаль въ какихъ либо видимыхъ формахъ, то мысль невольно становится тутъ нелогичною, невольно останавливаетъ безгранично несущееся будущее на какой либо минутѣ и говоритъ «hic locus — hic saltus». Минута эта естественно уже есть послѣдняя, настоящая... Вотъ тутъ то, при такой произвольной остановкѣ, начинается ломка всего прошедшаго по законамъ произвольно взятой минуты; тутъ то и совершается наримѣръ, то удивительное по своей непослѣдовательности явленіе, что человѣкъ, провозгласившій законъ вѣчнаго развитія, останавливаетъ все развитіе на идеалахъ германскаго племени какъ на крайнемъ предѣлѣ; тутъ то и начинается

деспотизмъ теоріи доходящій до того, что все остальное человѣчество, не жившее по теоретическому идеалу, провозглашается чуть-чуть что не въ звѣриномъ состояніи. Душа человѣческая всегда единая, всегда одинаково стремящаяся къ единому идеалу правды, красоты и любви, какъ будто забывается; отвлеченный духъ человѣчества съ постепенно расширяющимся сознаниемъ поглощаетъ ее въ себя. Послѣднее слово этого отвлеченнаго бытія, яснѣйшая форма его сознанія есть готовая къ услугамъ теорія, хотя, по сущности возрѣнія, если бы только въ человѣческихъ силахъ было быть вѣрнымъ такому возрѣнію, и это послѣднее возрѣніе должно поглотиться позднѣйшимъ, какъ еще болѣе яснымъ и т. д. до безконечности.

Неисчислимыя, мучительнѣйшія противорѣчія порождаются такимъ возрѣніемъ.

Отправляясь отъ принципа стремленія къ безконечному, оно кончаетъ грубымъ матеріализмомъ; желая объяснить

общественный организмъ, скрываетъ отъ себя самага и отъ другихъ точку его начала — быта челоѳчества, пока оно не разѳтвилось на народы. И все это, явнымъ образомъ происходитъ отъ того, что вмѳсто дѳйствительной точки опоры — души челоѳческой, берется точка воображаемая, предполагается чѳмъ то реальнымъ а не номинальнымъ, отвлеченный духъ челоѳчества; ему, этому духу отправляются требы идольскія, приносятся жертвы неслыханныя, жертвы незаконныя, ибо онъ есть всегда кумиръ поставляемый произвольно, всегда только теорія.

Посмотрите съ какою логическою послѳдовательностью проводить этотъ взглядъ Бѳлинскій въ общихъ основахъ созерцанія исторіи челоѳчества, и послѳдовательность общихъ основъ въ приложеніи къ нашему быту, къ нашей народности перестанетъ уже изумлять насъ.

Исторія, — говоритъ онъ, — есть фактическое жизненное развитіе общей (абсолютной) идеи въ формѳ

политическихъ обществъ. Сущность исторіи составляетъ одно только разумно–необходимое, которое связано съ прошедшимъ, и въ настоящемъ заключаетъ свое будущее. *Содержаніе исторіи есть общее: судьбы человечества.* Какъ исторія народа не есть исторія милліоновъ отдѣльныхъ лицъ его составляющихъ, *но только исторія нѣкотораго числа лицъ,* въ которыхъ выразились духъ и судьба народа, точно такъ же и человечество не есть собраніе народовъ всего земного міра, но только нѣсколькихъ народовъ, *выражающихъ собою идею человечества* (т. IV стр. 336).

Перечтите у него тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ индѣйской поэзіи (въ разборѣ «Наля и Дамаянти»), о значеніи востока (въ рецензій переводѣ «Тысячи и одной ночи»), и взгляды его на славянскую народную поэзію и нашу русскую будутъ вамъ логически понятны.

Существенный порокъ исключительно историческаго воззрѣнія и такъ называемой

исторической критики, которой такимъ высокодаровитымъ и энергическимъ представителемъ былъ у насъ Бѣлинскій, заключается въ томъ, что она не имѣетъ критеріума, вѣчнаго идеала, а съ другой стороны по невозможности, обусловленной человѣческою природою, жить безъ критеріума, безъ идеала, — создаетъ критеріумъ произвольно и этотъ условный, чисто-теоретическій критеріумъ прилагаетъ къ жизни безпощадно.

Когда идеаль лежитъ въ душѣ человѣческой, признается за нѣчто вѣчное, неизмѣнное, всегда и во всѣ времена ей одинаково присущее — онъ не требуетъ никакой ломки фактовъ живой жизни; онъ ко всѣмъ равно приложимъ и все равно судить. Но когда идеаль поставленъ произвольно, теоретически, тогда онъ непременно долженъ гнуть факты подъ свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее, тѣмъ болѣе все третьягоднишее — и все предшествовавшее вообще представляется только ступенями къ нему... И такъ какъ

кто-то, не помню, весьма справедливо замѣтилъ, что для говорящаго «все вздоръ въ сравненіи съ вѣчностью» самая вѣчность есть вздоръ, то очевидно, что на днѣ чисто-историческаго воззрѣнія лежитъ индифферентизмъ и фатализмъ, въ силу которыхъ ничто въ жизни, ни народы, ни лица не имѣютъ своего замкнутаго, самоотвѣтственнаго бытія и являются только орудіями отвлеченной идеи, преходящими, призранными явленіями.

Единственный идеаль, мыслимый для подобнаго воззрѣнія, въ крайнихъ его результатахъ, есть однообразный уровень — централизація, католическая ли, социалистская ли, это въ сущности все равно — но централизація.

Говоря о томъ, что Бѣлинскій былъ энергическимъ представителемъ этого воззрѣнія, я говорю о его доктринѣ, которой онъ постепенно увлекался все болѣе и болѣе, до крайнихъ ея предѣловъ, а не о его личности, какъ художественнаго критика. Высокое художественное чутье, которое вмѣстѣ есть можетъ быть и высшая

степень чувства гуманности, выручало его почти всегда и, составляя главную его силу, дѣлало его постоянно вождемъ жизни, а не служителемъ теоріи...

Вождемъ жизни онъ и былъ съ самаго начала своего поприща.

Въ 1834 году, въ «Телескопѣ», пользовавшемся весьма небольшимъ матеріальнымъ успѣхомъ, но въ замѣнъ того отличавшемся серьезностью взгляда и тона, впервые появилось съ особенною яркостью это великое имя, которому суждено было долго играть путеводную роль въ нашей литературѣ. Въ «Молвѣ» еженедѣльномъ листкѣ, издававшемся при «Телескопѣ» появлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ статьи, подъ названіемъ «Литературныя мечтанія». Эти статьи изумляли невольно (въ то время) своей беспощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостью, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ поставленіемъ вопросовъ, наконецъ той молодой силой великой энергіи, которая дорога даже и тогда, когда

впадаетъ въ ошибки, дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ серьёзнаго и пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. «Мечтанія» такъ и дышали вѣрою въ это стремленіе, и не щадя никакого кумиро-поклоненія, во имя идеаловъ разбивали всякіе авторитеты, неподходившіе подъ мѣрку идеаловъ. Всѣ заблужденія, промахи, неистовыя увлеченія Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ возвышенномъ, яркомъ и истинно поэтическомъ воззрѣніи на жизнь и искусство.

Это была притомъ такая эпоха, въ которую всѣ интересы жизни, т. е. интересы высшіе, сосредоточивались и могли выражаться только въ искусствѣ и литературѣ. Литература была тогда *все и одно* въ области духа. Литературныя симпатіи были вмѣстѣ и общественными и нравственными симпатіями, равно какъ и антипатіи. Не только нѣсколькихъ, но даже и *двухъ* воззрѣній на литературу быть тогда не могло. Новое, выступавшее воззрѣніе

литературное несло съ собой новую вѣру, поднимало рѣшительную борьбу.

«Литературныя мечтанія», ни болѣе ни менѣе какъ ставили на очную ставку всю русскую литературу со временъ петровской реформы; впервые серьёзно и строго допрашивались у нея ея высшаго т. е. общественнаго, нравственнаго и художественнаго значенія — у нея, у этой литературы, въ которой невзыскательные современники и почтительные потомки насчитывали уже десятка съ два геніевъ, въ которой то и дѣло раздавались торжественные гимны не только Ломоносову и Державину, но даже Хераскову и чуть ли не Николеву, въ которой всякое критическое замѣчаніе на счетъ Карамзина считалось святотатствомъ. Геніальность Пушкина надобно было еще отстаивать, а поэзію первыхъ гоголевскихъ созданій почувствовали еще весьма немногіе, и изъ этихъ немногихъ во первыхъ Пушкинъ, а во вторыхъ — авторъ «Литературныхъ мечтаній».

Между тѣмъ, умственно—общественная ложь была очевидна. Хераскова уже положительно никто не читалъ, Державина читали немногіе, да и то не цѣликомъ, читалась серьёзными людьми исторія Карамзина, но уже давно не читались его повѣсти и разсужденія.

Сознавать эту ложь внутри души могли многіе, но сознательно почувствовать ее до того чтобы, сознательно и смѣло высказать всѣмъ, могъ только призванный человекъ и такимъ то именно человекомъ былъ Бѣлинскій.

Дѣло, начатое имъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», было до того смѣло и ново, до того — не смотря на то что было повидимому только литературнымъ дѣломъ, задѣвало существенные вопросы нашей жизни, что черезъ много лѣтъ потомъ, казалось еще болѣе чѣмъ смѣлымъ — дерзкимъ и разрушительнымъ всѣмъ почтительнымъ потомкамъ невзыскательныхъ дѣдовъ, что черезъ много лѣтъ потомъ вызывало юридическіе

акты въ стихахъ, писанные ясно съ пѣною у
рта, въ родѣ слѣдующихъ:

Нѣтъ — твой подвигъ не
похваленъ,

Онъ Россіи не привѣтъ,
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ — не поэтъ!

Кто ни честенъ, кто ни
славенъ

Ни радѣль странъ родной,
Ломоносовъ и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой.

Ты всю Русь лишилъ дѣяній
До великаго Петра,
*Обнаживъ бытописаній
Чести, славы и добра.*

Но, страннымъ образомъ начало этого
дѣла въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» не
возбудило еще ожесточенныхъ криковъ,
хоть Бѣлинскій, съ «Литературныхъ же

мечтаній» сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія.

До этихъ криковъ, уже потомъ додразнилъ онъ своихъ противниковъ.

Огромный успѣхъ его столько же зависѣлъ отъ этихъ нелѣпыхъ криковъ, какъ отъ силы его таланта и энергіи убѣжденія. Оппозицію Бѣлинскому составляли или беззубые виршеплеты или поборники мрака, тѣ и другіе одинаково вносили въ дѣло юридическій характеръ. До настоящей оппозиціи онъ не дожилъ. Литература была за него, оправдывала его доктрины, потому самому что онъ ее угадывалъ, опредѣляя съ удивительною чуткостью ея стремленія, разъясняя ее, какъ Гоголя и Лермонтова. Говоря о литературѣ нашей, а она долго была, повторяю я, единственнымъ средоточіемъ всѣхъ нашихъ высшихъ интересовъ, постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ! едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому.

И данъ судьбою этотъ удѣлъ совершенно по праву.

Горячаго сочувствія стоилъ при жизни и стлѣть по смерти тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать всему благородному, прекрасному и великому. Безстрашный боець за правду, онъ не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей тотъ, кто не дорожить правдой. Кажется, онъ даже созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его прежнему взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала... Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто на перекоръ утвердившимся мнѣніямъ все, что казалось ему ложнымъ и напыщеннымъ, заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ не

ошибался никогда. У него былъ ключъ къ *словамъ* его эпохи и въ груди его жила могущественная и волканическая сила. Теоріи увлекали его какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. Вполнѣ сынъ своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его. Чѣмъ дольше боролся онъ съ новою правдою жизни или искусства, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на поколѣніе его окружавшее, его обращенія къ новой правдѣ. Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы высшее свойство своей природы: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни.

Въ наше время онъ не былъ бы ни отрицателемъ и централизаторомъ, хотя подлежить сомнѣнію и то, что онъ былъ бы славянофиломъ. Славянофильство можетъ быть играло бы только роль кратковременнаго момента въ его развитіи — не болѣе.

А. ГРИГОРЬЕВЪ
